

И. И. КОРЖИЦКАЯ

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Наследие Л. Н. Толстого представляет собой одно из наиболее сложных явлений русской и мировой культуры. Бессмертные художественные произведения Толстого еще при его жизни завоевали мировую известность и, одновременно, вызвали идейную борьбу, с каждым годом принимавшую все более ожесточенный характер. Она достигла особенно высокого накала в последние годы жизни писателя и после его смерти. Не прекращается она и сегодня. «...Если проблема всемирного авторитета Толстого вызывала и продолжает вызывать и теперь острые идеологические споры, — пишет советский литературовед К. Н. Ломунов, — то не по вопросу о том — существует ли такой авторитет (это ни у кого не вызывает сомнения), а по вопросу о его истоках и основах, о том, кому он служит, кто и в каких целях использует его сегодня, кому ныне принадлежит наследие Толстого и каково его значение в нашем современном мире»¹. Фальшью и лицемерием о Толстом была переполнена казенная и либеральная пресса после смерти писателя. Те, кто недавно все свои силы употребляли на его травлю, постарались «примазаться» к имени Толстого, чтобы нажить себе на этом «политический капитал». Тогда и выступил со своей оценкой взглядов и творчества Л. Н. Толстого Владимир Ильич Ленин, который выразил отношение революционной партии рабочего класса к великому писателю и той идейной борьбе, которая кипела вокруг него. В. И. Ленин с убедительностью показал, что представляет собою наследие Толстого, в чем состоит его ценность, кому оно принадлежит в действительности. Он смог «проникнуть в сущность учения и творчества Толстого, объяснить Толстого **всего целиком**, найти фактор, определивший и слабые и сильные стороны его взглядов, то есть создать концепцию, основанную не на сводках тех или иных суждений Толстого, а на всем сложном многообразии его идей»².

С новой силой споры о Льве Толстом разгорелись во второй половине 20-х годов, в канун 100-летия со дня рождения писателя. Проблема отношения к его наследию стала одной из острейших литературных проблем этого десятилетия. Наряду с серьезной разработкой толстовской темы с марксистских позиций делались попытки ниспровергнуть Толстого, дискредитировать его наследие в глазах советской общественности. Надо сказать, что в 20-е годы статьи В. И. Ленина о Толстом еще не вошли в широкий литературоведческий обиход; их знали, на них ссылались лишь некоторые критики-марксисты. Огромную роль в защите наследия Толстого от наскоков левацкой критики сыграли в этот период статьи А. В. Луначарского, в которых он пропагандировал ленинский подход к оценке мировоззрения и творчества гениального писателя.

В 1928 году появились статьи о Л. Толстом крупного деятеля большевистской партии М. С. Ольминского (Александрова). До революции М. С. Ольминский входил в состав редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», был одним из основных и постоянных авторов газеты «Звезда», одним из редакторов «Правды». В 1920 году он был назначен председателем Истпарта (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской

Коммунистической партии), а затем — редактором ежемесячного истпартовского журнала «Пролетарская революция». Как известный литературовед-щедринист М. С. Ольминский был назначен главным редактором Полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина (1933—1941). Он активно участвовал в обсуждении проблем развития советской литературы. Есть у него и статьи о проблемах отношения к творчеству русских классиков Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, Л. Н. Толстого. Решительно выступая против реакционной буржуазной идеологии и культуры, Ольминский, однако, не смог объективно подойти к оценке творчества Л. Н. Толстого.

В статье «Наше отношение к Л. Н. Толстому», появившейся в четвертом номере журнала «Огонек» за 1928 год, он яростно «развенчивает» графа Л. Н. Толстого — «крупного помещика», «крепостника», который печатался в журнале «Русский вестник», журнале «крепостническом», или, «говоря по-нынешнему», — пишет М. С. Ольминский, — белогвардейском»³. По мнению Ольминского, произведения Л. Н. Толстого особенно «опасны и вредны» потому, что талантливы. Автор статьи выражается еще более определенно, говоря о том, что Толстой «вбивал осиноый кол на гроб революции»⁴. При этом он, в противоположность В. И. Ленину, совершенно игнорировал всю сложность отношения Л. Н. Толстого к революции.

Статья была напечатана с примечанием, в котором говорилось, что редакция «Огонька» не согласна с политической оценкой, данной Толстому Ольминским. Для обоснования своего мнения редакция ссылалась на статью В. И. Ленина «Л. Н. Толстой». В ответном выступлении «По поводу примечания «Огонька» Ольминский пишет о реакционности не только публицистических, но и художественных произведений Л. Н. Толстого: «Толстой на деле в своих художественных произведениях служил реакции»⁵. И если редакция «Огонька» берет под свою защиту роман «Анна Каренина», то это только потому, что «Толстой более или менее ловко («художественно») затушевывает свою реакционность». Только «вполне сознательный коммунист может вскрыть эту глубокую реакционность»⁶. При этом Ольминский ссылается на слова В. И. Ленина о том, что «учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова»⁷.

Б. Эйхенбаум, разъясняя, как следует понимать слова «утопично» и «реакционно», пишет, что слово «утопично» употреблено Лениным не в простом или обыденном смысле (как говорят про чьи-нибудь мечты или фантазии — «это утопия!»), а в его точном, научном значении, т. е. речь идет об **утопическом социализме**, о том, что учение Толстого представляет собой разновидность этого движения общественной мысли.

Почему же в таком случае рядом со словом «утопично» стоит слово «реакционно»? Может ли быть реакционным учение утописта-социалиста, каким, по словам Ленина, был Толстой? А ведь именно эти слова Ленина дали основание Ольминскому, как и некоторым другим литературоведам, говорить о том, что Ленин причислил Л. Н. Толстого к самым подлинным реакционерам. По этому поводу Б. Эйхенбаум ссылается на работу В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» (1897), где речь идет об «утопичности» и «реакционности» теорий Сисмонди и Прудона. К слову «реакционный» В. И. Ленин сделал следующее примечание: «Этот термин употребляется в **историко-философском** смысле, характеризую только **ошибку** теоретиков, берущих в **пережитых** порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были»⁸.

Таким образом, указывает Б. Эйхенбаум, выражение «реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова», т. е. в филологическом, словарном значении обозначает следующее: «латинская приставка «ре» означает — «опять, обратно, назад»; «реакция» — в этом смысле — «ход или движение назад», но вовсе не в качестве **непременного противодействия** движению вперед. В самом глубоком — т. е. в том философско-историческом смысле, в каком, например, учение Руссо и его последователей оказывается «реакционным». Ленин считал это «азбучной истиной»⁹. В. И. Ленин, таким образом, никогда не причислял Толстого к политическим реакционерам. Приходится только сожалеть, что Ольминский не понял этого «точного и глубокого» значения.

Упрекая Льва Толстого в реакционности, Ольминский ссылается на

то, что в начале своей статьи «Л. Н. Толстой и его эпоха» Владимир Ильич Ленин, цитируя место из «Анны Карениной», «справедливо рассматривает мысли персонажа романа как мысли самого Толстого». Эта ссылка свидетельствует о том, что Ольминский совершенно не понял цитируемого отрывка. Ведь В. И. Ленин, приведя слова Константина Левина «у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается», оценивает их так: «...трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов»¹⁰. В данном случае можно считать огромной заслугой Толстого то, что он сумел так метко охарактеризовать историческую обстановку в России того времени «устаами К. Левина», а вовсе не укорять его за это, как делает М. С. Ольминский.

Заканчивая свою статью «По поводу примечания «Огонька», Ольминский еще раз подчеркивает вредность «нового издания полного собрания сочинений Толстого, столь усердно ныне рекламируемого»¹¹. Речь здесь идет о Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. Первый том его вышел в 1928 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения великого писателя. В связи с этой знаменательной датой издание стало именоваться юбилейным. В своей книге «Ленин читает Толстого» К. Н. Ломунов приводит слова В. Д. Бонч-Бруевича о том, что «Владимир Ильич...сам лично выработывал программу издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого... Не раз мне приходилось слышать от Владимира Ильича о том, что нам необходимо тщательно пересмотреть все сочинения Л. Н. Толстого и, помимо полного академического издания, выпустить множество его рассказов, статей, отрывков отдельными брошюрами и книжечками и распространить их в сотнях тысяч экземпляров повсюду, как среди крестьян, так и среди рабочих»¹². Итак, Полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах издавалось по прямому указанию В. И. Ленина. Интерес к книгам Толстого в нашей стране и за рубежом рос с удивительной быстротой, а Ольминский говорит о вредности этих произведений.

4 февраля 1928 года в «Правде» была напечатана статья «Ленин или Лев Толстой», в которой Ольминский высказывает тяжелые обвинения в адрес редакционной комиссии по изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Автор статьи с возмущением говорит о «безудержной рекламе» сочинений Толстого. Он высказывает здесь и совершенно правильную мысль о необходимости широкой публикации ленинских статей о Толстом. Приходится только удивляться, что самим Ольминским ленинские статьи были так плохо поняты, не говоря уже о том, что он совершенно не смог разобраться в противоречивости и сложности такого феномена, каким являлся Л. Н. Толстой.

Известно, что в это время в стране была очень сложная политическая обстановка: в деревне начиналась коренная перестройка мелкобуржуазного уклада, наблюдались оживление и рост сектантства, которое не прочь было использовать Толстого в своей борьбе против обновления деревенской жизни; толстовщина в ее новом историческом облике представляла собой реальную опасность. Но даже чрезвычайной сложностью политической обстановки не может быть оправдана резкость тона и суждений М. С. Ольминского. Ведь именно образованный коммунист должен был понять и разъяснять массам то разграничение, которое проводил В. И. Ленин между Толстым и «толстовщиной». Сама постановка Ольминским вопроса «Ленин или Толстой» была серьезной ошибкой. Лениным четко сформулировано партийное отношение к творчеству писателя в его статье «Л. Н. Толстой».

Относиться к Толстому по-ленински — значит понимать величайшую ценность того, что в наследии писателя принадлежит будущему. Важнейшие положения ленинских статей Ольминский не понял. И в произведениях Толстого, и в ленинской характеристике творчества писателя он видит почему-то только отрицательные стороны, именно они становятся для него «превалирующими» и «доминирующими». При этом М. С. Ольминский совершенно закрывает глаза на те положительные стороны в учении и творчестве Л. Н. Толстого, которые великолепно раскрываются Лениным в его статьях.

Да, отстаивая реализм и борясь за качественное его обновление, марксистская критика выполняла ответственной историческую миссию. В свете передовой эстетической мысли наших дней со всей очевидностью предстают как достижения, так и просчеты первых марксистских литераторов. Конечно, «в силу обстоятельств своего времени марксистской кри-

тике пришлось уделять большое внимание вопросам социальной обусловленности искусства, доказывать его зависимость от классовой борьбы»¹³, но мы не должны закрывать глаза на то, что порою это было сопряжено, по выражению О. В. Семеновского, с «издержками вульгарно-социологического характера».

М. С. Ольминский, который был обеспокоен тем, что в литературе наметились симптомы некритического, примиренческого отношения к толстовскому учению, в своей резкости сам стал «жертвой вульгаризаторства и схематизма».

Точка зрения М. С. Ольминского на творчество Л. Н. Толстого не могла быть принята нашим литературоведением. Огромная работа по собиранию, изучению, пропаганде наследия Толстого в нашей стране ведется по той программе, в составлении которой личное участие принимал В. И. Ленин.

¹ Литературное наследство: Толстой и зарубежный мир.— М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 108.

² Мейлах Б. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв. — Л., 1956, с. 313.

³ Огонек, 1928, № 4, с. 14.

⁴ Там же.

⁵ Правда, 1928, 31 января.

⁶ Там же.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 103.

⁸ Там же, т. 2, с. 211.

⁹ Эйхенбаум Б. О прозе.— Л., 1969, с. 74.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.

¹¹ Правда, 1928, 31 января.

¹² Ломунов К. Ленин читает Толстого.— М., 1971, с. 15.

¹³ Семеновский О. В. Марксистская критика и вопросы реализма в русской литературе предоктябрьского периода.— Киев, 1970, с. 43.

Т. Е. АВТУХОВИЧ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Стихотворения Феофана Прокоповича являются наименее изученной частью его творческого наследия. В данной статье мы остановимся на специфике ранних стихотворений, написанных в киевский период его деятельности.

Эстетические взгляды Прокоповича сформировались во время его учебы в Риме. Знакомство с творениями античных мастеров, а также с современной поэзией, которая в Италии XVII века развивалась в русле маринизма, оказало на него большое влияние. Рядом со сложной метафорической поэзией маринистов особенно выигрышной, очевидно, казалась Феофану Прокоповичу изящная простота античных писателей. В своей «Поэтике» он выдвигает требование единства содержания и формы, причем главным достоинством языка поэзии считает ясность.

Однако означает ли теоретическое осознание необходимости иной поэзии и иного стиля действительное преодоление барочных традиций на практике? Очевидно, нет. Барочная культура, с которой соприкасался Феофан Прокопович и в годы учебы в Киево-Могилянской академии, и за границей, не могла не повлиять на способ его художественного мышления, и это проявилось уже в латинских стихотворениях, приводимых в качестве примеров в «Поэтике». Когда в «Похвале Борисфену» Прокопович использует оригинальные перифразы для описания великой реки («Борисфен катит свои волны, полные то меда, то молока»¹), когда он обращается для этого и к мифологии («Фетида далеко растеклась, она любит казаться морской гладью и быть соперницей Понта» — с. 377), мы узнаем в этом традиции барочной поэзии, которая отказывалась от привычных слов, от общеизвестных названий явлений. Когда автор включает во вдохновенное описание прозаические детали, переходя от поэтического восторга к обычному ораторскому воодушевлению («Что же сказать о том, что ты собираешь к своим берегам столь много товаров, множество бревен и камней и крепко связывающую известь, удобный строительный материал для храмов и больших зданий» — с. 378), мы соотносим это с нерегламентированностью литературного материала в барочной поэзии, для которой бе-